

Александр Бирштейн

Плата за все

В зале ожидания кучковались священники. Их было человек пятьдесят. Баулы и сумки служителей культа стояли как бы в очереди подле дверей, через которые пускают на таможенный и прочие досмотры. Но дверь была закрыта. Рейс задерживался.

«Интересно, а что повам в еврейских местах делать?» – подумал он. А потом все же сообразил.

Прочие пассажиры, в основном евреи, тихонько прощались с родственниками. Некоторые из них имели вполне нормальный вид. «Никогда б не подумал, что евреи!» – решил он.

Стали пускать. У стойки таможенника он попытался расслабиться. Кажется, ему это удалось, ибо тот, скользнув наметанным глазом по полупустой сумке, разрешил:

– Проходите!

Он облегченно вздохнул. И... поступил в распоряжение молодого человека, стоящего за пюпитром с какими-то бумагами. И началось!

– Куда конкретно едете? Кто паковал багаж? Как добирались в аэропорт? Кем вам приходится пригласивший?

– Лучший друг! – ответил он и нехорошо усмехнулся.

Лучший друг... Еврей – лучший друг! Дожил! В страшном сне такое не увидишь. Нет, что-то в этом мире перевернулось!

С Генрихом, соучеником по институту, приславшим гостевой вызов, он в Израиле видеться не планировал. Еще чего не хватало! Специально взял билеты так, чтоб пробыть в Израиле не больше одного дня.

– Вы ж ничего посмотреть не успеете, а такие деньги потратите! – ужасалась мымра из турфирмы.

– Разберусь! – глупо ответил он тогда этой дамочке.
– Цель поездки! – тем временем не отставал въедливый молодой человек.
– Посещение могил родственников! – ответил он, как учили.
Ответ понравился, и молодой человек налепил зеленые квадратiki на обложку паспорта и сумку.
– Проходите, пожалуйста!
Сдав сумку, он прошел паспортный контроль, потом рамку. Все! В накопительном зале уже имелось довольно много народу. Причем объем, занимаемый евреями, показался очень большим. Священники просто в нем терялись.
«Вот племя!» – неодобрительно подумал он.
Потом купил чашечку эспрессо и сел за столик.

* * *

Цель поездки... Если б он ее знал... Встретиться. И... Сказать, сказать... Он представил ее глаза, полные слез, и в душе что-то запело.

А ведь двадцать пять лет прошло! Нет, двадцать пять будет завтра! Серебряная свадьба! Кстати, и штамп в паспорте имеется. Паспорт менялся, а штамп он оставил. Зачем?

Евреев он не любил! Всегда! Не ненавидел – больно жирно им будет, а именно не любил! Как назло, их было довольно много. Особенно в их группе в институте, куда он поступил, приехав из маленького городка в той же области. Его раздражало то, что эти самые нелюбимые евреи все время лезли со своей дружбой. Как этот, как его, Герка, приславший вызов.

Уходил он, уходил он от любого сближения. Даже учиться хорошо стал и ходил на все лекции, чтоб не просить конспекты!

На работе в режимном институте, куда попал по распределению, евреев, слава Богу, не было. Да-а, закрытый почтовый ящик – это здорово! Плюс зарплата, плюс блага... Через три – три! – года он получил квартиру, еще через три смог купить машину!

Родители по-прежнему жили в своем городишке. Виделся с ними редко. Но деньгами помогал. А что, жалко? Деньги-то были.

Вообще-то, жил довольно скучно. Случались, конечно, какие-то женщины. Но они хотели замуж. И он с ними расставался.

Единственным местом, куда ходил регулярно, был стадион. Глядя футбол, он отдыхал, и даже сил вроде набирался.

Там-то и Лену встретил. Ух, как она болела! Залюбуешься! Он и залюбовался. Даже на поле забывал смотреть!

«Какая красивая!» – подумал тогда. И еще подумал, что, кажется, еврейка. И отмахнулся сам от себя.

На следующий матч, сам не зная почему, взял билет на ту же трибуну. И увидел ее. И обрадовался. Место его было на два ряда ниже. Так что приходилось оглядываться. Часто... Он ловил себя на этом и сам на себя сердился.

А на третьем матче они познакомились. И он пригласил ее отметить победу «Черноморца».

Через месяц Лена переехала к нему.

И началось... счастье!

Счастье? Но она же еврейка!

– Я прощаю ей это! – говорил он себе.

Что прощаю? Зачем прощаю? Что за чушь, вообще? И он сам понимал, что это чушь. И все путалось. И он отмахивался от себя.

Что вы знаете? Он даже жениться хотел! Он! Хотел! Жениться!

А она отказывалась!

Главное, любила, любила его! Но отказывалась. А когда он настаивал, начинала плакать.

* * *

В самолете место оказалось у иллюминатора – повезло! – он сел, сразу же пристегнулся и закрыл глаза. Евреи расплзались по салонам, поглотив священников, шума и суеты.

Они не давали думать-вспоминать, и это злило.

Наконец самолет взлетел, все как-то успокоилось...

Разносили напитки. Он отказался. Потом привезли еду. Он отказался тоже. Не хватало еще есть их еду... Хотелось одного – покоя. Но покой не приходил.

* * *

Когда Лена забеременела, он обрадовался.

«Теперь никуда от ЗАГСа не денется!» – ликовал.

Лена же ребенка не хотела. Почему? Отчего? Он кричал, шептал, угрожал, переставал разговаривать...

Наконец она призналась, что собирается уезжать. Дважды уже подавала документы, дважды отказывали, но она очень надеется на третий раз. Времена-то меняются.

– А я? – поразился он. – А как же я?

– Тебя тогда не было! – плача, оправдывалась она.

Тогда он ушел из дома. Оставил все ей и ушел. Ночевал у знакомых...

Неделю спустя она дождалась его у проходной. Условием своего возвращения поставил поход в ЗАГС. Жена сотрудника была в районном ЗАГСе какой-то начальницей. Так что их расписали в три дня.

* * *

Самолет слегка запрыгал по бетонным плитам.

– Мы прибыли в аэропорт Бен-Гурион... Температура воздуха... +34 градуса...

Пассажиры, все, кроме него и священников, загалдели на каком-то непонятном, и оттого еще более чужом языке. Их вроде как бы больше стало...

Длинные-предлинные переходы, ожидание багажа...

Наконец все позади. Он вышел в немного душную, но яркую ночь.

– Как попасть в Иерусалим? – спросил он у первого попавшегося еврея. Тот объяснил быстро и толково. Он поблагодарил, отошел и только тогда понял, что разговор шел на русском языке.

«Воистину «на четверть бывший наш народ!» – усмехнулся. И тут же выругал себя: – Наш... Какой там наш?»

Поменяв доллары на шекели, сел в автобус. Вскоре автобус тронулся.

«А светло-то как!» – поразился, глядя в окно. Честно говоря, он рассматривал эту поездку еще и как акт мужества.

«Там стреляют, бросают касамы и взрывают!» – рассказывала дома пресса.

Но что-то никто не стрелял. И взрывов не наблюдалось...

Он успокоился и закрыл глаза.

* * *

Через двадцать два дня после того, как их расписали, она получила разрешение на выезд.

– Уеду одна, – сказала Лена, – а там нас станет двое!

– А я? – закричал он.

– Поедь, поедь, поедь с нами! – взмолилась она.

– Ни за что!

Дни превратились в войну!

– Оставайся! – молил он.

– Я тут жить не могу и не буду! – отвечала она.

Постепенно – а может, это только казалось? – любовь становилась ненавистью.

– Ненавижу! – кричал он.

Она молчала. Только смотрела на него темными сухими глазами. И говорила о том, что убьет плод.

– Давно пора! – кричал он. Сгоряча! Разве он соображал тогда что-то?

Как-то он не застал ее дома. На столе лежал пакет, а в нем драгоценности. И те, что у нее были, и те, что он ей дарил.

«Плата за все!» – было написано в записке. И он понял, что она уехала.

* * *

Гостиница оказалась рядом с автовокзалом. Дорогу показал какой-то солдатик с автоматом. Странно, но и он говорил по-русски.

Номер оказался вполне приличным. Он умылся, потом взял сумку и достал пакет, спрятанный в доньшке.

«Завтра! – билось в голове. – Завтра я швырну ей это!»

Он, не раздеваясь, прилег на кровать и положил руки под голову. Самое смешное, что все-таки уснул. А очнулся, когда было уже светло. Торопливо схватив пакет и бумажку с адресом, выскочил на улицу.

«По Яффо до короля Георга, потом повернуть...» – конечно же, он наизусть знал то, что написано в бумажке.

Вот и скверик, где она гуляет каждый день. Но там пусто...

«Как же так?» – отчаялся он, а потом глянул на часы. Шесть утра...

Он сел на скамейку и облокотился на спинку.

* * *

Пакет вместе с запиской тогда положил в шкаф и попытался о них забыть. А заодно о ней. Получилось? Как сказать... Он ведь так и не женился с тех пор...

Вскоре после развала страны институт закрылся. Это не очень его огорчило. Имелись некоторые бизнес-планы, которые стал воплощать. Миллионером не стал, но на жизнь, можно сказать, хватало. Несколько раз хотел поменять квартиру – в его положении жить в однокомнатной хрущобе было неприлично. Но почему-то это не сделал.

Отдыхать ездил только на европейские курорты. Италия, Франция, Испания... Собственно, в Коста-Брава и встретил он Генриха. Тот почему-то обрадовался, приставал с воспоминаниями об институтских годах. К счастью, Генрих с семейством назавтра отваливал в свою Израиловку.

– Слушай! – сказал Генрих, уже садясь в такси. – А я твою бывшую жену каждый день встречаю!

– Как? – опешил он.

Дело в том, что Генрих действительно знал Лену. Он сам их познакомил, стремясь показать, что у него есть и еврейские друзья.

– Где? – спросил он, жарко глядя на Генриха.

– По дороге на работу! – пояснил Генрих.

– Где?

Воистину он тогда мог говорить только короткими словами...

И Генрих написал адрес сквера на бумажке. И ее адрес. Она жила рядом со сквером. А на другой стороне бумажки, на всякий случай, свой телефон.

Прилетев домой, он стал мечтать, как кинет пакет с цацками ей в лицо вместе с той запиской и уйдет. Навсегда!

О, как ему нравилась эта идея! Он даже унизился до того, что позвонил Генриху и попросил вызов...

И вот он тут...

* * *

Она вошла в сквер, толкая перед собой коляску. В коляске сидел жизнерадостный мальчишка.

Она почти не изменилась. Издали ведь не видны морщинки и седина в волосах... Но не это взволновало его.

«Ребенок! Она замужем!»

Вблизи мальчишка в коляске ему кого-то напомнил. Но кого, он от волнения вспомнить не смог.

– На! Ты! Забыла! – швырнул он к ее ногам пакет.

– Ты... – опешила она. И хотела что-то сказать, но губы не слушались, и она только показывала, показывала рукой на мальчика.

– Не прощу! – фальцетом прокричал он и убежал.

Это, наверное, выглядело смешным.

Выглядело... Смешным...

Автобус. Аэропорт. Контроль...

Наконец самолет.

Лицо пылало. Он вошел в туалет, пустил воду и приложил мокрые ладони к горящему лицу. Стало чуть легче, и он осмелился глянуть на себя в зеркало. А там он увидел лицо мальчика из коляски.

– Как же так... – растерянно бормотал он.

И тут, как возмездие или милость, пришло понимание того, что у него внук. И еще есть... он даже не знал, кто: сын или дочь...

А самолет летел, летел...

